

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ 30-х ГОДОВ (Основные тенденции американской буржуазной историографии)

■
Н. И. Егорова

Дебаты об изоляционизме США давно утратили ту политическую остроту, которой в 30-е годы был отмечен наивысший пик данного явления американской общественно-политической жизни. После окончания второй мировой войны Соединенные Штаты выступили с глобалистскими претензиями на роль вершителя судеб мира, воплощенными во внешнеполитических концепциях, которые порывали с изоляционистской риторикой и открыто опирались на принципы политики «с позиции силы» и «баланса сил».

Однако, как свидетельствует развитие послевоенной американской историографии внешней политики, интерес к многогранным и противоречивым проблемам изоляционизма и его наследию не ослабевает и по сей день, несмотря на некоторые спады и подъемы, связанные в первую очередь с реализацией агрессивного внешнеполитического курса США. Начавшийся с конца 50-х годов кризис политики глобального интервенционизма, осознание в широких слоях американского общества опасности «холодной войны» и беспрецедентной гонки вооружений заставили многих буржуазных историков по-иному взглянуть на утвердившийся в официальной историографии имидж критика-изоляциониста 30-х годов. В ряду факторов, оказывающих немаловажное воздействие на усиление внимания американских буржуазных историков к политической борьбе в США по вопросам внешней политики в 30-е годы, следует назвать появление новых источников, а также влияние радикальной историографии.

В одной статье невозможно всесторонне осветить развитие буржуазной историографии американского изоляционизма от 30-х годов до новейших исследований. Постараемся наметить основные тенденции данного процесса, хронологически совпадающие с внешней политикой США в предвоенный период, годы второй мировой войны, первое послевоенное и последующие десятилетия.

Изоляционизм как основополагающий принцип внешней политики Соединенных Штатов с момента их создания и как идейно-политическое течение в борьбе по вопросам внешней политики практически изжил себя ко времени вступления США во вторую миро-

вую войну¹. История американского изоляционизма насчитывает несколько этапов, различающихся политическим содержанием, которое вкладывалось в это понятие, существенными изменениями в его экономической основе и социально-классовых характеристиках.

«Отцы-основатели» США при решении проблемы национальной безопасности, учитывая особенности ранней истории североамериканских колоний и их географическое положение, делали акцент на нежелательности заключения постоянных военных и политических союзов с иностранными государствами, особенно европейскими. Принцип самоопределения молодого капиталистического государства толковался как возможность иметь «свободу действий» в любой международной ситуации. Важным рубежом в эволюции курса «оборонительного изоляционизма» (оправдывавшего методы экспансии на Американском континенте) явилось перерастание капитализма США в монополистическую стадию.

С конца XIX — начала XX в. идеи «невмешательства» и «свободы действий», составлявшие традиционное кредо изоляционизма, были поставлены правящими кругами на службу имперским планам колониальных захватов и аннексий заморских территорий. В этот период резко проявилась неоднородность изоляционистских идей. В противовес идеологам империалистической экспансии антиимпериалистическая оппозиция, объединяясь с антимонаполистическим и антивоенным движениями, требовала сосредоточить внимание на внутренних реформах и внесла сильную демократическую струю в область изоляционистской мысли.

Участие США в первой мировой войне символизировало кризис политики изоляционизма XX в. После окончания войны перед Соединенными Штатами, значительно усилившими свою экономическую и политическую мощь, вплотную встал вопрос о попытке реализации своих гегемонистских замыслов с помощью многостороннего вмешательства в мировые и европейские дела. Однако в результате ожесточенной политической борьбы в 20-е годы по вопросам внешней политики США у власти оказались те монополистические группировки, которые при сложившейся расстановке сил на мировой арене после окончания войны и победы социалистической революции в России предпочли «интернационализму» Вильсона тактику изоляционизма. Внешняя политика США 20-х годов, унаследовав традиционные прагматические принципы, была сориентирована на активизацию экономической экспансии, укрепление национальной военной мощи, расширение американского влияния на международной арене, но без ограничивавших «свободу рук» политических и военных обязательств.

¹ О сущности изоляционизма см.: *Георгиев А. В.* Американский изоляционизм и его эволюция. М., 1945, с. 3—8; *Наджафов Д. Г.* Европейская политика США. — В кн.: *Европа в международных отношениях, 1917—1939*. М., 1979, с. 271—278. См. также: *Попова Е. И.* США: борьба по вопросам внешней политики, 1919—1922 гг. М., 1966; *Манькин А. С.* Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США (1923—1929). М., 1980.

Яркая вспышка «великих дебатов» между изоляционистами и «интернационалистами» в 30-е годы определялась сложным комплексом причин. Первостепенную роль здесь сыграли мировой экономический кризис 1929—1933 гг. и последующая депрессия, глубоко затронувшие Соединенные Штаты Америки и крайне обострившие все экономические и социально-политические проблемы страны. Попытки приостановить нарастание классовой борьбы в США и укрепить пошатнувшиеся позиции американского капитализма с помощью либеральных реформ «нового курса» Ф. Рузвельта осуществлялись в условиях роста фашистской опасности в мире и резкого ухудшения международной обстановки в связи с агрессивной политикой Италии, Германии и Японии при фактической бездеятельности Лиги наций.

Внутренняя обстановка в стране и складывавшаяся по вине западных держав политическая ситуация (все попытки Советского Союза создать систему коллективной безопасности в Европе были сорваны) усугубляли американский национализм и традиционное чувство недоверия к идее международного сотрудничества. Для правящих кругов США изоляционистские настроения, охватившие широкие слои американского общества, значительно облегчали проведение эгоистической политики «нейтралитета», которая в немалой степени способствовала развязыванию второй мировой войны.

В отличие от предыдущего десятилетия, когда принадлежность к изоляционистам определялась прежде всего позицией в отношении участия Соединенных Штатов в Лиге наций, в 30-е годы болевой точкой политических разногласий по вопросу внешней политики являлась проблема невовлечения страны в назревавшую мировую войну. Однако причины, порождавшие пацифизм сторонников изоляционистской политики США в предвоенные годы, были различны и являлись той границей, которая отделяла демократическое крыло данного идейно-политического течения от империалистического.

Сложность проблемы американского изоляционизма, к которой все чаще обращаются советские историки, изучающие межвоенную внешнюю политику США, приводит к тому, что в отечественной историографии пока не дано исчерпывающего ответа относительно соотношения между изоляционизмом и «интернационализмом» в настроениях широкой американской общественности в 30-е годы; социально-классовой характеристики леворадикальных и либеральных изоляционистов; эволюции данного течения к моменту нападения Японии на Пирл-Харбор.

Советские исследователи придерживаются точки зрения, что в период между двумя мировыми войнами неоднородное по классовому и политическому составу течение изоляционизма все более эволюционировало вправо и приобретало откровенно империалистический характер. В рядах изоляционистов в 30-е годы лидерство (особенно к концу десятилетия) захватили влиятельные группировки монополистического капитала, тесно связанные с германскими монополиями; финансисты, торговцы и промышленники, конкурирующие с Великобританией на мировых рынках; антисоветски и профашист-

ски настроенные круги². Однако этот факт не исключал (как полагали авторы некоторых работ)³ существования унаследованных от предыдущего десятилетия⁴ и усиленных особенностями внутри- и внешнеполитической обстановки 30-х годов искренних изоляционистских настроений в массах⁵, отличительными чертами которых являлись антимонополизм и антимилитаризм.

Советские историки подчеркивали, что стремление простых американцев не участвовать в новой войне за чуждые им интересы империалистов не имело ничего общего с замыслами крайне реакционных представителей финансовой олигархии, а также с политикой попустительства агрессии, которую проводила администрация Ф. Рузвельта, ссылаясь на «изоляционизм масс». Стихийный изоляционизм фермеров, средней и мелкой городской буржуазии, части рабочего класса «носил качественно иной характер и преследовал иные цели»⁶.

Помимо естественного желания сохранить мир и избежать кровопролития, в сознании широких народных масс в 30-е годы требование исключительного приоритета внутренней политики и невмешательства в европейские дела связывалось прежде всего с необходимостью создания наилучших условий для борьбы за оздоровление национальной экономики, ограничение влияния монополий и для демократического преобразования общества. Исходя из опыта первой мировой войны, представители радикальных и демократических кругов указывали на заинтересованность финансистов и промышленников США в разжигании нового империалистического конфликта ради извлечения военных прибылей и удовлетворения экспансионистских притязаний. Таким образом, антивоенные настроения демократического крыла изоляционистов были тесно связаны с антимонополизмом масс. Следует также подчеркнуть, что в подавляющем большинстве американские средние слои находились в оппозиции фашизму и нацизму, были расположены оказать помощь народам — жертвам фашистской агрессии любыми средствами, исключая войну.

² Мельников Ю. М. США и гитлеровская Германия, 1933—1939. М., 1959; Кузнец Ю. Вступление США во вторую мировую войну. М., 1962; Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны, 1939—1941. М., 1964.

³ Батурич М. США и Мюнхен: (из истории американской внешней политики 1937—1938 гг.). М., 1961; Анапова Е. В. Новейшая история США, 1919—1939. М., 1962, и др.

⁴ В работах Е. И. Поповой и А. С. Маныкина проанализированы идейно-политические и социальные истоки демократического направления в изоляционизме, его высокая политическая активность в 20-е годы. См.: Попова Е. И. Указ. соч.; Маныкин А. С. Указ. соч.

⁵ Попова Е. И. Указ. соч., с. 85; Поздеева Л. В. Указ. соч., с. 35, 36, 38, 44; Коваль В. С. США во второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики (1939—1941). Киев, 1976, с. 45—46; Золов А. В. Леворадикальный изоляционизм США середины 30-х годов XX в. — В кн.: Проблемы новой и новейшей истории. М., 1978, с. 23—24; Он же. Американский изоляционизм и принятие закона о нейтралитете 1935 г. — Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1979, № 1, с. 32—44.

⁶ Кузнец Ю. Указ. соч., с. 32.

Как отмечал У. Фостер, американские демократические круги решительно выступали против войны, но их суждения не всегда были безошибочными. В своих взглядах они не смогли подняться до требования создания системы коллективной безопасности, которое выдвигалось Компартией США и поддерживалось рядом рабочих организаций, призывавших к международной солидарности трудящихся в борьбе с фашизмом и к коллективному (включая Советский Союз) отпору агрессивным замыслам фашистских держав⁷.

С помощью концепции «изоляционизма масс», которая приписывала американскому народу те же цели, что и изоляционистам из правящих кругов, желавших сорвать даже самые незначительные попытки администрации обуздать агрессоров, американские буржуазные историки пытались дискредитировать антивоенные выступления народа и снять с официального Вашингтона его долю ответственности за подготовку и развязывание второй мировой войны. Данная концепция получила должный отпор в советской историографии. Наиболее обстоятельный и глубокий анализ антивоенно-антифашистского движения в США и его влияния на американскую внешнюю политику в предвоенные годы представлен в монографии Д. Г. Наджафова⁸. Вместе с тем автор, на наш взгляд, склонен преуменьшать масштабы изоляционистского подхода к проблеме войны и мира в антивоенном и демократическом движениях США 30-х годов.

Большое влияние на создание соответствующего психологического климата во внешнеполитических дебатах предвоенных лет оказала американская буржуазная историография. Ее роль в развернувшейся политической борьбе определялась не только спецификой данной сферы исторического познания как наиболее конъюнктурной, но и особенностями самого явления изоляционизма, включавшего в себя и официальную политику, и отношение к ней различных слоев американского общества, в том числе интеллигентов-историков.

Из идейного наследия изоляционизма 20-х годов большой популярностью пользовалась «ревизионистская» интерпретация происхождения первой мировой войны и участия в ней США. «Ревизионистское» направление в историографии возникло как результат разочарования и недовольства итогами войны для Соединенных Штатов, охвативших различные слои американского общества, включая определенную часть крупной буржуазии. Пересматривая официальную версию причин вступления США в мировую войну на основе рассекреченных правительственных документов Германии, Австро-Венгрии, царской России и других новых источников, американские буржуазные историки и публицисты акцентировали внима-

⁷ Foster W. Z. History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 377, 379. См. также: Resolutions of the 10th Convention of the Communist Party, USA. N. Y., 1938, p. 3, 8, 12—13.

⁸ Наджафов Д. Г. Народ США — против войны и фашизма (1933—1939). М., 1969.

ние на влиянии пропаганды союзников, англофобии Вильсона, а также разоблачали роль связанных с Антантой промышленников и банкиров, втянувших Америку в далекий от интересов ее безопасности заокеанский конфликт⁹.

При всем том положительном значении, которое имели работы «ревизионистов», приоткрывшие завесу над истинными целями внешней политики американских монополистических кругов, эта интерпретация была далеко не объективной. Прежде всего «ревизионисты» как бы снимали с самой Германии ответственность за агрессивный предвоенный курс, возлагая главную вину за развязывание первой мировой войны на Россию и частично на Францию, и требовали пересмотра Версальского мирного договора¹⁰, что было должным образом оценено ревизионистами Веймарской республики¹¹. В специфических условиях 30-х годов продолжавшиеся «ревизионистские» исследования¹² оказали значительное влияние на развернувшуюся кампанию за расследование деятельности производителей оружия и на работу комиссии Дж. Ная¹³, тем самым способствуя усилению анимонополистических и антимилитаристских настроений в массах.

В то же время труды «ревизионистов» имели и прямо противоположное воздействие. Игнорируя объективную реальность тех лет и проводя антиисторические параллели с первой мировой войной, они создавали дополнительное препятствие на пути осознания опасности фашизма для дела мира. Выводы «ревизионистов», особенно в работах второй половины 30-х годов, становились идейной основой взглядов изоляционистов из числа представителей «большого бизнеса», которые отрицали существование угрозы безопасности США со стороны гитлеровской Германии и считали, что оба государства могли договориться мирным путем за счет интересов других народов.

«Ревизионисты» составили ядро изоляционистов среди американских буржуазных историков предвоенного десятилетия, часто использовавших их аргументацию. Однако если говорить об изоляционистской концепции американской внешней политики 30-х годов

⁹ См. подробнее: Виноградов К. Б., Гершов З. М. Первая мировая война.— В кн.: Основные проблемы истории США в американской историографии. М., 1974, с. 307—332; Наджафов Д. Г. Европейская политика США, с. 274—275, 294.

¹⁰ Barnes H. The Genesis of the World War. N. Y., 1926; Cochran M. Germany not Guilty in 1914. Boston, 1931.

¹¹ Harry Elmer Barnes Learned Crusader. The New History in Action/Ed. by A. Goddard. Colorado Springs, 1968, p. 27.

¹² Borchard E. Dragging America into War.— Current History, 1934, Sept., p. 392—401; Millis W. Road to War. America 1914—1917. Boston, 1935; Tansill Ch. America Goes to War. Boston, 1938; Grattan C. The Deadly Parallel. N. Y., 1939, e. a.

¹³ В 1934—1936 гг. в США действовала созданная под давлением движения общественности специальная комиссия сената под руководством Дж. П. Ная для расследования деятельности американских военных промышленников и торговцев оружием в годы первой мировой войны. См.: Наджафов Д. Г. Народ США — против войны и фашизма, с. 53—67; Cole W. Senator Gerald P. Nye and American Foreign Relations. Minneapolis, 1962.

(имея в виду отражение данной политической позиции в буржуазной историографии), то ее формирование прочно связано с работами одного из основоположников экономического направления в исторической науке США, Ч. Бирда¹⁴. В отличие от многих изоляционистски настроенных буржуазных историков, имевших «ревизионистское» прошлое, Бирд в 20-е годы не разделял взгляды тех, кто считал, что участие США в первой мировой войне не вызывалось необходимостью. Он соглашался с «ревизионистами», в первую очередь с их лидером Г. Барнсом, что мотивы происхождения войны 1914—1918 гг. включали в себя соперничество индустриальных держав в борьбе за рынки, но указывал на опасность обеления политики кайзеровской Германии¹⁵.

Несмотря на возникавшие у Бирда в 20-е годы сомнения относительно причин первой мировой войны и участия в ней США, которые усилились в результате поездок историка по послевоенной Европе, а также изучения дипломатических материалов, его позицию по вопросу о мировых обязательствах Америки можно охарактеризовать до начала 30-х годов в целом как «интернационалистскую»¹⁶. Эволюция внешнеполитических воззрений Бирда в сторону твердого изоляционизма происходила по мере ухудшения мировой экономической конъюнктуры и проявления кризиса капиталистической системы в Соединенных Штатах, роста вовлеченности их в политически взрывоопасную ситуацию на международной арене.

«Экономический детерминист» Ч. Бирд, проповедовавший в период кризиса 1929—1933 гг. широкие либеральные реформы для оздоровления американской экономики, считал, что успешная реализация «нового курса» Ф. Рузвельта зависит от значительного сокращения внешнеэкономических связей Соединенных Штатов, невовлеченности в международные конфликты и сосредоточения всех национальных ресурсов на решении внутренних проблем. Таким образом, в изоляционизме Бирда определяющую роль играли мероприятия буржуазного реформизма, что отличало либеральное крыло изоляционистов от консервативного. Представители последнего, более чем самого «нового курса», опасались, что вступление Америки в войну полностью уничтожит систему свободного предпринимательства.

Доктрина американского политического национализма, сформулированная Ч. Бирдом в работах второй половины 30-х годов¹⁷, логически вытекала из теоретических положений относительно аме-

¹⁴ Дементьев И. П. Об исторических взглядах Чарльза Бирда.— *Вопр. истории*, 1957, № 6, с. 147—163; *Он же*. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М., 1963, с. 207—227.

¹⁵ *Beard Ch. Heroes and Villains of the World War*.— *Current History*, 1926, Aug., p. 730—735; *Beard Ch., Beard M. The Rise of American Civilization*. N. Y., 1927. Vol. 1, 2.

¹⁶ *Kennedy Th. Charles A. Beard and American Foreign Policy*. Gainesville, 1975, p. 45—56.

¹⁷ *Beard Ch. The Devil Theory of War*. N. Y., 1936; *Idem. Giddy Minds and Foreign Quarrels. An Estimate of American Foreign Policy*. N. Y., 1939; *Idem. A Foreign Policy for America*. N. Y.; L., 1940.

риканской внешней политики, которые были изложены им в работе «Подъем американской цивилизации» и особенно в трудах «Идеи национального интереса» и «Открытые двери у себя дома»¹⁸. Предлагавшаяся Бирдом внешнеполитическая программа была направлена на поддержание духа экономического национализма в США. Он стоял за высокие таможенные тарифы, создание синдиката экспортно-импортных корпораций для контроля за американской внешней торговлей и инвестициями и эффективного распределения национального продукта (прежде всего на внутренних рынках).

Часто повторяя известную метафору из «Кандида» Вольтера о «возделывании своего собственного сада», буржуазный реформист Бирд так определил свое внешнеполитическое кредо в середине 30-х годов: «Я никогда не считал эту систему (капиталистическую. — Н. Е.) священной и неизменной и не поддающейся переменам. Я определенно предпочту любые изменения, которые могли бы потребоваться в ней, ужасным перспективам американского участия в войне в Европе или Азии»¹⁹.

Суть изоляционистской концепции Ч. Бирда, которую он предпочитал называть «континентализмом», заключалась в том, что в сложной ситуации 30-х годов Соединенные Штаты должны были возвратиться к внешней политике «отцов-основателей», которой правящие круги изменили с конца XIX в., и строго следовать доктрине американизма. В трактовке историка это означало не слепую изоляцию от мира — чего, как он подчеркивал, никогда не было в достойной подражания дипломатии США XVIII—XIX вв. и тем более не могло существовать в эпоху империалистической экспансии XX в., — а реализацию взаимоотношений со странами Европы (и Азии), исходя прежде всего из национальных интересов США и интересов безопасности на Американском континенте²⁰.

Бирд полагал, что Соединенные Штаты не имели достаточной военно-экономической мощи и исторического опыта для влияния на события в Европе, отсюда призыв к европейским народам, которым угрожали фашистские Германия и Италия, создать систему коллективной безопасности без участия Америки, стоявшей перед необходимостью сконцентрировать внимание на преодолении экономического и социального кризиса у себя дома²¹. Конкретизируя свою доктрину «континентализма» в исследовании 1940 г. (когда война уже захватила большую часть Европы и на повестку дня остро встал вопрос о помощи Соединенных Штатов Англии и Франции), Бирд назвал ее «программой мира для Америки в этом полушарии и пацифизмом в отношении остальных районов»²².

¹⁸ Beard Ch., Beard M. The Rise of American Civilization; Beard Ch., Smith G. The Idea of National Interest; An Analytical Study in American Foreign Policy. N. Y., 1934; *Idem*. The Open Door at Home: A Trial Philosophy of National Interest. N. Y., 1934.

¹⁹ Beard Ch. The Devil Theory of War, p. 120—121.

²⁰ Beard Ch. Giddy Minds and Foreign Quarrels, p. 87.

²¹ *Ibid.*, p. 62.

²² Beard Ch. A Foreign Policy for America, p. 104.

Объективно подобный «пацифизм» играл на руку агрессивным планам гитлеровской Германии, которая строила свою глобальную стратегию с учетом сохранения «нейтралитета» США в момент завоевания и истребления народов Европы. Книга Бирда, где были суммированы его предыдущие тезисы о «континентализме», вышедшая уже после оккупации Франции, вызвала в целом отрицательные отклики²³, так как общественность Соединенных Штатов в этот период все более выступала за помощь европейским союзникам. Протекавший из буржуазного реформизма изоляционизм Бирда в конечном итоге сомкнулся с позицией изоляционистов консервативного толка. Последние, особенно из числа членов организации «Америка — прежде всего», являлись пособниками целей умиротворения Германии, направления ее агрессии на Советский Союз.

Для пропаганды собственной изоляционистской позиции Бирд широко привлекал исторический материал, причем подчас явно подчипая фактическую сторону политическим задачам²⁴. Бросив на весы политической борьбы между «интернационалистами» и изоляционистами свой огромный авторитет старейшины «экономической школы», этот историк не только перешел в 30-е годы на позиции «ревизионистов» первой мировой войны, но и закрепил в изоляционистской концепции антиисторический подход к реальным событиям того периода²⁵.

Составной частью изоляционистской концепции Бирда являлась критика внешней политики администрации Рузвельта и его личности как президента. По мере вовлеченности Соединенных Штатов в международные события второй половины 30-х годов (чему в немалой степени способствовало законодательство о нейтралитете, особенно статьи об эмбарго на экспорт оружия²⁶, объективно поощрявшее агрессора и уже тем самым втягивавшее Америку в мировой конфликт) Бирд все больше разочаровывался в деятельности Рузвельта. Он упрекал президента за любые, даже слабые, попытки противодействовать военной угрозе (речь Рузвельта в Чикаго 1937 г., требование увеличить флот в послании конгрессу от 28 января 1938 г. и др.). Бирд полагал, что президент предал программу оздоровления американской экономики и социальных реформ (с 1937 г. наблюдался рост консервативных и реакционных тенденций во внутренней политике страны)²⁷ и стремился отвлечь внимание обществен-

²³ Kennedy Th. Op. cit., p. 97—98.

²⁴ Не случайно происходившая эволюция методологических принципов Бирда усилила в начале 30-х годов его интерес к философии исторического релятивизма, которая оправдывала превращение научного исследования в орудие политической активности историка. См.: Деметьев И. П. Об исторических взглядах Чарльза Бирда, с. 159—163; Kennedy Th. Op. cit., p. 75—76.

²⁵ Beard Ch. The Devil Theory of War, p. 114, 119; Idem. A Foreign Policy for America, p. 37.

²⁶ Наджафов Д. Г. Народ США — против войны и фашизма, с. 84—86, 89—91; Он же. Европейская политика США, с. 295—296.

²⁷ Мальков В. Л. «Новый курс» в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973, с. 323—340.

ности от этих фактов внешнеполитической активностью²⁸. Свою точку зрения Ч. Бирд неоднократно высказывал публично в различных комиссиях конгресса²⁹.

Хотя Бирд обвинял Рузвельта в отказе от «нейтралитета» в пользу вмешательства в мировые дела, он, подобно многим изоляционистам демократического крыла, реалистически оценил распространение закона о нейтралитете 1937 г. на гражданскую войну в Испании как удар по республиканскому правительству и как пособничество фашистским мятежникам³⁰.

Несмотря на особенности изоляционистской концепции Ч. Бирда, которая обличала экспансионистские устремления американских правящих кругов и роль в этом военно-морского истеблишмента, указывала на общность взглядов империалистических изоляционистов и «интернационалистов» и содержала другие критические суждения, она несла в себе все основные постулаты идеологии изоляционизма 30-х годов и могла широко использоваться противниками рузвельтовского курса различных политических оттенков. Как отмечал один из американских специалистов по данной проблеме, «Чарльз А. Бирд персонифицировал в значительной степени академический и интеллектуальный элемент в изоляционизме, хотя ни в коем случае не был единственным в этой категории»³¹.

Известный «ревизионист», активный противник Лиги наций Э. Борчард внес вклад в обоснование с консервативных позиций законодательства о нейтралитете США 30-х годов в специальном исследовании этого принципа в исторической ретроспективе³². По его мнению, главная причина втягивания США в первую мировую войну состояла в том, что по вине американских политиков страна не придерживалась принципов строгого нейтралитета в международных отношениях 1914–1917 гг. Переноса уроки первой мировой войны на ситуацию 30-х годов и игнорируя исторические закономерности в анализе событий данного десятилетия, Борчард и его соавтор требовали ограничения дискреционной власти президента Ф. Рузвельта в проведении внешней политики, которая, по их мнению, должна была оставаться дружественной по отношению ко всем государствам Европы и преследовать только национальные интересы США³³. Применительно к международной атмосфере 30-х годов, когда над миром нависла военная угроза фашизма, требование равно беспристрастной политики Соединенных Штатов означало признание за фашистскими государствами права на агрессию и ее попустительство, а также использование конфлик-

²⁸ *Beard Ch. Giddy Minds and Foreign Quarrels; Idem. A Foreign Policy for America.*

²⁹ *Kennedy Th. Op. cit., p. 78, 88; Radosh R. Prophets on the Right. Profiles of Conservative Critics of American Globalism. N. Y., 1975, p. 35.*

³⁰ *Beard Ch. Giddy Minds and Foreign Quarrels, p. 48–49; Idem. American Foreign Policy in the Making, 1932–1940. A Study in Responsibilities. New Haven (Conn.), 1947, p. 181.*

³¹ *Jonas M. Isolationism in America, 1935–1941. Ithaca (N. Y.), 1969, p. 72.*

³² *Borchard E., Lage W. Neutrality for the United States. New Haven, 1937.*

³³ *Ibid., p. 342, 350.*

тов между европейскими государствами в гегемонистских интересах американского империализма. Действовавшее в предвоенные годы законодательство о нейтралитете явилось юридическим выражением политического кредо изоляционизма — «свободы рук» для Соединенных Штатов в вопросах войны и мира, под которой определенные монополистические группировки понимали сближение с Германией.

Среди других изоляционистов из академического сообщества особой активностью отличался уже упоминавшийся Г. Барнс³⁴, который совмещал свои социологические интересы с историческими исследованиями. Важно отметить, что если ранее многие «ревизионистские» тезисы Барнса подвергались критике со стороны Бирда, то к началу 40-х годов они нашли общий язык и значительно расширили личные и научные контакты. Этому сближению способствовало и то, что Ч. Бирд публично поддержал цели правоизоляционистской организации «Америка — прежде всего», в которой Г. Барнс принимал деятельное участие. Подобный факт являлся еще одним свидетельством того, что к началу 40-х годов изоляционистская идеология окончательно утратила присущую ей ранее политическую дифференциацию (многие радикалы и либералы покинули ряды изоляционистов), оказавшись в прямом конфликте с антифашистскими настроениями американского народа, усилившимися к концу 30-х годов и особенно после оккупации Франции в 1940 г.

С началом второй мировой войны и изменением политического климата в самих Соединенных Штатах (невзирая на противодействие изоляционистов в конгрессе, в сентябре 1939 г. был пересмотрен закон о нейтралитете; в 1940 г. заключена сделка с Англией «эсминцы за базы»; в марте 1941 г. принят закон о ленд-лизе) общий тон американской историографии внешней политики стал меняться в сторону «интернационалистской» интерпретации дипломатической истории США, прежде всего их участия в первой мировой войне³⁵, а также усилилась критика изоляционизма³⁶.

После нападения Японии на Пирл-Харбор бывшие изоляционисты-историки в основном поддерживали внешнюю политику Ф. Рузвельта и ослабили нападки на предвоенный курс США. «Эмоциональная атмосфера военных лет, — писал У. Коул, — необходимость сохранения единства для ведения войны и недоступность имеющих в наличии источников — все это слилось, чтобы противодейст-

³⁴ В исследованиях Г. Барнса 30-х годов нашли отражение взгляды «ревизионистов» относительно глобалистских замыслов исполнительной власти. См.: *Barnes H. World Politics in Modern Civilization*. N. Y., 1930; *Idem. The History of Western Civilization*. N. Y., 1935. Vol. 2; *War in Twentieth Century* / Ed. by W. Waller. N. Y., 1940.

³⁵ *Adler S. The Isolationist Impulse. Its Twentieth-Century Reaction*. L.; N. Y., 1957, p. 335.

³⁶ *Buell R. Isolated America*. N. Y., 1940; *Fenwick Ch. American Neutrality. Trial and Failure*. N. Y.; L., 1940; *Weinberg A. The Historical Meaning of the American Doctrine of Isolation*. — *American Political Science Review*, 1940, vol. 34, N 3, p. 539—547, e. a.

зовать любому серьезному вызову проружельтовской интерпретации»³⁷.

В сентябре 1942 г. Ч. Бирд написал вступительную статью к сборнику дипломатических документов и выступлений за предыдущий год, где отказался от изоляционистского тезиса о том, что вторая мировая война — простое повторение первой мировой войны. Он отметил уникальность охватившей мир новой мировой связи с ее масштабностью, идеологией и возможными последствиями³⁸. Тогда же был написан вступительный очерк к полуофициальному освещению американской дипломатии накануне второй мировой войны³⁹. Однако в военные годы Бирд не отошел от своей концепции «континентализма»⁴⁰, противопоставив ее планам американского мирового господства в послевоенный период, выраженный с особой прямотой в известной статье Г. Люса «Американский век» (1941). К концу войны Бирд возвратился к критике внешней военной дипломатии Ф. Рузвельта и одним из первых высказал соображения бывших изоляционистов о причинах катастрофы в Пирл-Харборе⁴¹, прочно связав свое имя с новым подъемом «ревизионизма» во второй половине 40-х — в 50-е годы.

Сотрудничество Соединенных Штатов в антигитлеровской коалиции способствовало превращению «интернационалистского» направления, представители которого призывали в 30-е годы к отходу от «нейтралитета», к участию США в системе коллективной безопасности империалистических держав, к помощи Англии и Франции вплоть до военных действий, в официозное. В годы войны появляются первые официальные публикации документов⁴², которые подкрепляли версию об «интернационалистской» политике администрации Рузвельта и изоляционистских настроениях масс, якобы представлявших главное препятствие на пути к коллективным действиям государств, находившихся под угрозой вторжения держав «оси».

После окончания второй мировой войны, которая привела к глубоким сдвигам в расстановке сил на международной арене в пользу социализма и к превращению Соединенных Штатов в лидирующую державу капиталистического лагеря, в американской буржуазной историографии вновь разгорелись дебаты о внешней политике США 30-х годов, хотя они и приобрели более академический характер. Историки получили в свое распоряжение свежие докумен-

³⁷ Cole W. American Entry into World War II: A Historiographical Appraisal. — Mississippi Valley Historical Review, 1957, Mar., p. 596.

³⁸ Voices of History: Great Speeches and Papers of the Year 1941 / Ed. by F. Watts. N. Y., 1942, p. IX.

³⁹ Davis F., Lindlay E. How War Came: An American White Paper; From Fall of France to Pearl Harbor. N. Y., 1942.

⁴⁰ Beard Ch., Beard M. The American Spirit: A Study of the Idea of Civilization in the United States. N. Y., 1942.

⁴¹ Beard Ch., Beard M. A Basic History of the United States. Philadelphia, 1944; Flynn J. The Truth about Pearl Harbor. N. Y., 1944; Idem. The Final Secret of Pearl Harbor. N. Y., 1945.

⁴² Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: Japan, 1931—1941. Wash., 1943. Vol. 1, 2; Peace and War: United States Foreign Policy, 1931—1941. Wash., 1943.

тальные свидетельства⁴³ и значительную мемуарную литературу⁴⁴. В качестве оппонентов официальной интерпретации внешней политики США 1935—1941 гг. выступила школа новых «ревизионистов»⁴⁵, которые во многом явились преемниками «ревизионистских» и изоляционистских концепций 30-х годов.

Ведущие представители «ревизионизма» второй мировой войны: Ч. Бирд, Г. Барис, Ч. Тэнзилл, Дж. Моргенштерн (входивший в свое время в редколлегия изоляционистской «Чикаго трибюн»), — как уже отмечалось, были активными пропагандистами изоляционизма в 30-е годы, пытаясь перенести этот же подход на внешнюю политику послевоенной Америки.

Необходимо подчеркнуть, что курс Соединенных Штатов на глобальное руководство миром встретил в первое послевоенное десятилетие довольно сильную оппозицию внутри страны со стороны не только демократических сил, но и сторонников иной внешнеполитической тактики среди правящих кругов. Последние в лице бывших изоляционистов типа Р. Тафта и Г. Гувера, эволюционировавших к консерватизму Дж. Ная и др., поддерживали внешнеполитическую стратегию мирового лидерства США, включавшую «холодную войну» против СССР и стран социализма. Однако, с их точки зрения, эти цели могли быть достигнуты посредством американского военно-политического (с учетом временной монополии США на обладание атомным оружием) и экономического диктата без заключения союзов с другими капиталистическими государствами.

Отстаивая принцип «свободы рук», неоиоляционисты 40—50-х годов делали поправку на свой яростный антикоммунизм, одобряя те глобальные обязательства США, которые были продиктованы необходимостью экономической, военной и идеологической поддержки реакционных режимов и контрреволюционных сил. В их понимании Советский Союз представлял гораздо большую опасность, чем гитлеровская Германия. Вместе с тем они полагали, что бремя безграничных финансовых и военных расходов могло оказать разрушающее воздействие на капиталистическую экономику Соединен-

⁴³ Особым вниманием пользовались материалы специального комитета конгресса, занимавшегося исследованием обстоятельств нападения на Пирл-Харбор. См.: U. S. Congress, Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack, 79th Congress, 2nd Session. Wash., 1946; Report of the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack, 79th Congress, 2nd Session. Wash., 1946.

⁴⁴ Byrnes J. Speaking Frankly. N. Y.; L., 1947; Scherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. N. Y., 1948; Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948; Stettinius E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N. Y., 1949, e. a.

⁴⁵ В конце 40-х — начале 50-х годов для отличия нового подъема «ревизионизма» от предыдущего периода в буржуазной историографии широко использовался термин «неоревизионизм», которым оперировали и сами представители данной школы. См.: Barnes H. Selected Bibliography of Revisionist Books: Dealing with the Two World Wars and Their Aftermath, with Brief Comments. — In: Barnes H. Selected Revisionists Pamphlets. N. Y., 1972.

ных Штатов и в итоге привести к победе социалистической революции⁴⁶. В мифотворчестве официальной пропаганды эта группа политиков отдавала предпочтение мифу о «коммунистической угрозе» американскому образу жизни «изнутри», нежели «извне».

Возрождение в 40–50-е годы — период формирования политики «с позиции силы» — изоляционистских настроений преимущественно в их имперском обличье⁴⁷ вскрывало давнюю неразрывную связь «интернационализма» американских правящих кругов и империалистического изоляционизма.

Было бы явным упрощением отождествлять исследователей-«ревизионистов» 40–50-х годов (прежде всего Ч. Бирда) с ревизионистами подобного толка или консервативными критиками не только внешней, но и внутренней политики Ф. Рузвельта. В то же время их концепции и политические выводы, созвучные основным идеям новых изоляционистов, их воинствующий антисоветизм указывают на прямое родство этого историографического направления с той частью американского бизнеса, под влиянием которой в 50-е годы усилилась критика внешней политики США «справа»⁴⁸.

Интенсивная разработка в первое послевоенное десятилетие официальной концепции внешней политики США до вступления их во вторую мировую войну была в значительной степени вызвана необходимостью противостоять новой волне «ревизии». У. Лангер и Э. Глисон, которые считаются «классиками» официозного толкования внешней политики Соединенных Штатов эпохи Ф. Рузвельта, отмечали, что уже в начале 1946 г. Совет по международным отношениям, учитывая вспыхнувшую дискуссию, выработал план создания и опубликования широкой научной истории американской внешней политики накануне второй мировой войны «в надежде, что тщательный анализ всех обстоятельств и развития событий поможет американской общественности в понимании и оценке исторических сил, лежащих в основе прошлых и текущих проблем»⁴⁹.

Таким образом, открыто признавалось, что исследование внешней политики США в годы подготовки и развязывания второй мировой войны имело прямое отношение к выработке послевоенной

⁴⁶ Taft A. A Foreign Policy for Americans. N. Y., 1951, p. 7, 12, 14, 18–19; Schlesinger A., Jr. The New Isolationism.— The Atlantic, 1952, May, p. 37–38; Graebner N. The New Isolationism: A Study in Politics and Foreign Policy since 1950. N. Y., 1956, p. 23.

⁴⁷ В рассматриваемое десятилетие в конгрессе США сохранилась небольшая группа изоляционистов, не изменивших своей прогрессистской платформе 30-х годов. См.: Griffith R. Old Progressives and the Cold War.— The Journal of American History, 1979, Sept., p. 335–347.

⁴⁸ В буржуазной историографии имеются, например, свидетельства о закулисной деятельности Г. Гувера в организации финансовой поддержки исследований «ревизионистов», снабжении их документами, невзирая на политические разногласия между экс-президентом и Ч. Бирдом, Г. Барисом и др. См.: Wilson J. Herbert Hoover Forgotten Progressive. Boston; Toronto, 1975, p. 275, 276.

⁴⁹ Langer W., Gleason E. The World Crisis and American Foreign Policy. Vol. 1. The Challenge to Isolation, 1937–1940. N. Y. etc., 1952, p. IX.

глобальной стратегии, нацеленной на устройство «мира по-американски». В свете стоявших перед официальными историками политических задач на «ревизионистскую» историографию 30-х годов перекладывалась значительная доля вины за вовлечение США в мировой вооруженный конфликт, и по аналогии, то же самое опасное влияние на политический климат приписывалось «ревизионистам» первых послевоенных лет⁵⁰.

На формирование «ревизионистской» концепции об ответственности исполнительной власти за предвоенную политику США и о причинах их вступления во вторую мировую войну значительное влияние оказал Ч. Бирд. В 1944 г., как уже отмечалось, он возобновил критику «интернационалистской» политики Ф. Рузвельта, а после победы над Японией требовал создания комиссии конгресса для расследования обстоятельств нападения на Пирл-Харбор и даже написал меморандум, который помог республиканцам подготовить доклад, обвинявший президента в предательстве. Используя связи со многими республиканцами в конгрессе, этот историк получил ряд неопубликованных материалов, которые мог привлечь при написании своих последних работ о внешней политике США 30-х годов, опровергавших официальный тезис о «вине изоляционистски настроенного американского народа» за втягивание США во вторую мировую войну⁵¹.

Однако верная исходная посылка Бирда о том, что политика «нейтралитета» осуществлялась в полном соответствии с подтверждаемой публично внешнеполитической линией администрации Рузвельта, а не вопреки ей и что правящие круги стремились ограничить воздействие общественного мнения на выработку и принятие ответственных внешнеполитических решений, полностью обесценивалась по мере реконструкции историком событий 30-х годов. Внешняя политика США, которая в конечном счете была сродни политике «умиротворения», проводимой Англией и Францией, и объективно способствовала развязыванию второй мировой войны, в субъективистской интерпретации Бирда подается как секретный заговор «интернационалистов» с целью втянуть страну в войну с фашистской Германией, якобы не представлявшей серьезной угрозы национальной безопасности США. Когда, по мнению исследователя, Рузвельт потерпел неудачу в попытках спровоцировать Гитлера на объявление войны Соединенным Штатам, администрация добилась этого от Японии⁵².

Тенденциозность, крайний субъективизм Бирда проявились и в подборе исторических фактов (которые не давали должного представления об агрессивной политике держав «оси»), и в произвольном цитировании опубликованных материалов Рузвельта. В том,

⁵⁰ Bemis S. First Gun of a Revisionist Historiography for the Second World War.— *The Journal of Modern History*, 1947, Mar., p. 55.

⁵¹ Beard Ch. American Foreign Policy in the Making, p. 16, 17—24, 27.

⁵² Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War, 1941: A Study in Appearances and Realities. New Haven, 1948.

что внешнеполитические воззрения либерального историка «прогрессивной эры» столь очевидно эволюционировали вправо, немалую роль сыграли окончательный разрыв Бирда с экономической интерпретацией истории⁵³ (в его субъективистской концепции нет и намека на роль американских монополий) и дальнейшее развитие релятивистского взгляда на исторический процесс и функции исследователя⁵⁴.

Действительность послевоенного мира (распад антигитлеровской коалиции, начало «холодной войны», стремление американских правящих кругов к Pax Americana, усиление бюрократических, милитаристских и тоталитаристских тенденций в США) во многом подтвердила опасения Ч. Бирда, прозвучавшие в его внешнеполитических работах. Но не в силах дать объективную оценку реальности, он воспринимал данный ход событий как подтверждение высказанных им в 30-е годы взглядов о необходимости возврата к «континентализму» и последующих умозаключений о порочности участия США в совместной с СССР и Англией борьбе против держав «оси».

Концепции Бирда отвечали взглядам ряда буржуазных историков и публицистов, особенно тех, кто в довоенные годы развивал «ревизионистские» и изоляционистские идеи. В политической обстановке после окончания второй мировой войны эти идеи были соответственно скорректированы (в частности, послышки об оправданности стремления Германии «сбросить с себя цепи Версаля», о предпочтительности ее победы в первой мировой войне победе союзников за счет участия США и об отсутствии у Гитлера агрессивных планов в отношении Северной Америки). Широко эксплуатируя научный престиж Ч. Бирда при обосновании собственных версий⁵⁵, «ревизионисты» 40–50-х годов в своих политических оценках сомкнулись с самыми яркими поборниками «холодной войны». Отличительной чертой всей «ревизионистской» литературы тех лет, рассматривавшей Советский Союз в качестве главной угрозы безопасности США в послевоенные годы, была ее антикоммунистическая, антисоветская заостренность.

Наилучшим образом суть аргументации этого историографического направления сформулировал Г. Барнс. После окончания второй мировой войны он еще активнее, чем в 20–30-е годы, взялся за планирование и популяризацию «ревизионистских» исследований, не изменяя своим взглядам вплоть до конца 60-х годов⁵⁶. По мне-

⁵³ Beard Ch. *The Economic Basis of Politics*. N. Y., 1945 (3rd ed.). См. также: Дементьев И. П. Американская историография гражданской войны в США (1861–1865), с. 227–231.

⁵⁴ Kennedy Th. *Op. cit.*, p. 132.

⁵⁵ Так, работа Дж. Моргенштерна, вышедшая до появления последней книги Бирда, и написанное на архивных материалах госдепартамента исследование Ч. Тэнзилла считались основополагающими в «ревизионистской» трактовке нападения Японии на Пирл-Харбор. См.: *Morgenstern G. Pearl Harbor: The Story of Secret War*. N. Y., 1947; *Tansill Ch. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933–1941*. Chicago, 1952.

⁵⁶ Harry Elmer Barnes *Learned Crusader* / Ed. by A. Goddard. Colorado Springs, 1968, p. 29, 243–246, 288–314.

нию Барнса, который высоко расценивал политику английских «умиротворителей», нападение фашистской Германии на Советский Союз давало в руки Рузвельта и Черчилля последний шанс реализовать с помощью мирного договора с Германией планы взаимного обескровливания двух своих главных соперников. Подобная политика, имевшая горячего поклонника в лице сенатора Г. Трумэна, отмечал Барнс, «могла привести к установлению в мире господства Англии и США, которые, возможно, превратили бы его в преимущественно „свободный мир“». В то время как сейчас — это просто семантика»⁵⁷.

Таким образом, весь пафос «миролюбия» исследователей «ревизионистов» первого послевоенного десятилетия заключался в глубоком разочаровании политическими итогами войны: усилением СССР и образованием социалистической системы, похоронившими мечты о распространении американской «демократии» на весь мир. Они явились идейными наследниками консервативно настроенных изоляционистов 30-х годов, которые выражали опасения относительно сохранения капиталистических устоев в огне войны, но отнюдь не противились замыслам реализации глобального лидерства США. Вопреки фактам о стремлении США в годы подготовки и развязывания второй мировой войны занять с помощью законодательства о нейтралитете выжидательную позицию и использовать конфликт в Европе с наибольшей выгодой для американского империализма деятельность президента Ф. Рузвельта, который в критический момент все же пошел на реалистические шаги в создании антигитлеровской коалиции, освещалась «ревизионистами» как идущая вразрез с американскими «национальными интересами». Для подобного рода исследователей, преувеличивавших фактор неуязвимости США, возможная победа держав «оси» была предпочтительнее результатов разгрома антифашистскими силами во главе с Советским Союзом гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Неудивительно, что концепции правых «ревизионистов» не получили того общественно-политического резонанса, который имел «ревизионизм» 20-х и первой половины 30-х годов. Лишь на короткое время в начале 50-х годов⁵⁸ создались условия для укрепления позиций «ревизионистов»⁵⁹.

Обрушившись с критикой на «ревизионистские» концепции, официальная историография противопоставила им не менее тенден-

⁵⁷ Barnes H. Selected Bibliography of Revisionist Books, p. 32.

⁵⁸ В эти годы Соединенные Штаты раздували «холодную войну» на международной арене, переросшую в вооруженную агрессию американского империализма в Корею, а в самой стране усилились критика «справа» внешней политики администрации демократов и нападки на дипломатию США во-первых, была развернута кампания маккартизма и наблюдался общий рост консервативных тенденций в жизни американского общества.

⁵⁹ Помимо отдельных исследований (Tansill Ch. Back Door to War; Baldwin H. Great Mistakes of the War. L., 1950; Sanborn F. Design for War. N. Y., 1951, е. а.), в 50-е годы вышла большая антология «ревизионистских» работ, которая затем не переиздавалась, несмотря на усилия ее редактора Г. Барнса. См.: Perpetual War for Perpetual Peace / Ed. by H. Barnes. Caldwell (I.), 1953.

циозную черно-белую трактовку предвоенной внешней политики США, где роль «злодея» отводилась американскому народу⁶⁰. Предприятие уже упоминавшимся У. Лангером и Э. Глисоном исследование⁶¹ финансировалось в течение четырех лет фондом исследования Рокфеллера, а его авторы, имевшие солидный опыт правительственной службы, получили возможность пользоваться закрытым архивом госдепартамента, материалами военных ведомств, личными архивами Ф. Рузвельта и американских государственных деятелей⁶². Однако, несмотря на обширную источниковую базу, в этом по существу первом фундаментальном исследовании внешней политики США в предвоенные годы⁶³ отсутствует объективный анализ ее главных движущих сил.

Замалчиванию той роли, которую сыграли американский монополистический капитал и империалистические круги в поощрении агрессивных замыслов нацистской Германии и фашистской Италии в предвоенные годы, способствовала разделяемая официальными историками концепция о стремлении исполнительной власти использовать мощь США в коллективных действиях против попыток держав «оси» развязать войну и о «сдерживающем» влиянии на «интернационалистскую» политику изоляционистски настроенного американского народа и оппозиции в конгрессе.

Лангер и Глисон не отрицали, что американский народ был обеспокоен нарастанием военной угрозы со стороны фашистских держав, что в 1937 г. не было и следа «интеллектуального или духовного нейтралитета». «Но дальше этого, — утверждали исследователи, — чувства народа не заходили. Преобладающим было наст-

⁶⁰ См. подробнее: *Набжафов Д. Г.* Критика концепции «изоляционизма» в американской буржуазной историографии второй мировой войны: (К вопросу об отношении народных масс США к проблеме войны и мира в 30-е годы). — В кн.: *Против фальсификации истории второй мировой войны*. М., 1964, с. 36—108; *Он же.* Народ США — против войны и фашизма, с. 11—23. В декабре 1950 г. в рамках программы по «ревизионизму» второй мировой войны в Американской исторической ассоциации состоялась дискуссия в связи с докладом Д. Перкинса «Был ли Рузвельт втянут в 1941 г. в войну под влиянием требований американского народа?». См.: *Barnes H.* Was Roosevelt Pushed into the War by Popular Demand in 1941? — In: *Barnes H.* Selected Revisionists Pamphlets.

⁶¹ *Langer W., Gleason E.* Op. cit., vol. 1; Vol. 2. The Undeclared War, 1940—1941. N. Y., 1953.

⁶² «Ревизионисты» (за исключением Ч. Тэнзилла), не имевшие, как и многие другие буржуазные историки, свободы доступа к неопубликованным документам, высказали немало справедливых упреков в адрес официальных («придворных») историков, обвиняя их в тесной связи с правительственными кругами, подчинении политической конъюнктуре и обелении внешней политики Ф. Рузвельта и других членов его администрации. См.: *Cole W.* American Entry into World War II, p. 602; *Kennedy Th.* Op. cit. p. 138—140; *Barnes H.* Selected Revisionist Pamphlets.

⁶³ В начале 50-х годов, помимо ряда статей, вышли монографические исследования, написанные с позиций апологетики внешней политики США в предвоенный период. См., например: *Rauch B.* Roosevelt from Munich to Pearl Harbor: A Study in Creation of a Foreign Policy. N. Y., 1950; *Feis H.* The Road to Pearl Harbor. Princeton, 1950; *Cole W.* America First: The Battle Against Intervention, 1940—1941. Madison (Wis.), 1953, e. a.

роение, которое противодействовало не только любому вовлечению в международные конфликты, но и участию в каких-либо коллективных действиях, чтобы предотвратить или урегулировать эти конфликты. За высокой стеной нейтралитета американский народ чувствовал себя достаточно защищенным, чтобы заниматься своим благополучием, несмотря на бури, бушующие за границей»⁶⁴.

Следуя столь упрощенной трактовке американского изоляционизма 30-х годов (которая по существу оставляла в тени глубокие социально-политические и экономические различия среди его представителей и связь изоляционизма — его демократического крыла — с массовым антивоенным движением), Лангер и Глисон все же вынуждены были поставить под сомнение официальный тезис об ответственности американского народа за политику «нейтралитета» и срыв коллективного противодействия агрессорам. Авторы отмечали, что Рузвельт недооценивал поддержку народом своей внешней политики и преувеличивал силу и сплоченность оппозиции конгресса⁶⁵. Из работы также становится очевидным, что эти буржуазные исследователи стремились выдать за активное противодействие американского народа внешней политике Соединенных Штатов, особенно с 1939 г., настроения на Капитолийском холме, где после выборов в конгресс 1938 г. усилилась антирузвельтовская коалиция⁶⁶. Кроме того, У. Лангер и Э. Глисон не отрицали, что позиция определенной части правящих кругов США и изоляционистская пропаганда со стороны наиболее видных общественно-политических фигур (особенно представителей комитета «Америка — прежде всего») оказывали свое воздействие на настроение масс⁶⁷.

Жесткий взгляд на изоляционизм 30-х годов как на негативное явление и главное препятствие на пути к выполнению США миссии «спасения мира для демократии» пережил дебаты с «ревизионистами» и сохранился, несмотря на различные оговорки авторов⁶⁸, в качестве общей схемы официозной историографии. В то же время интерес буржуазных исследователей 50-х годов к истории изоляционизма, стимулированный в значительной степени задачей оправдания и обоснования экспансионистского и антикоммунистического курса послевоенных США, по мере укрепления официальной версии и расширения круга источников способствовал большему проникновению в тему, восполнению неполноты имеющейся картины.

В 1956 г. в университете Дьюка состоялся междисциплинарный семинар, посвященный исследованию природы и места доктрин изоляционизма и коллективной безопасности в американской дипломатии XX в. Результатом этого явился сборник под редакцией и с участием профессора Деконде⁶⁹. Характеризуя в своей статье

⁶⁴ Langer W., Gleason E. Op. cit., vol. 1, p. 11, 12, 15.

⁶⁵ Ibid., vol. 1, p. 6, 146; vol. 2, p. 734.

⁶⁶ Ibid., vol. 1, p. 145; vol. 2, p. 201.

⁶⁷ Ibid., vol. 1, p. 13; vol. 2, p. 733.

⁶⁸ Drummond D. The Passing of American Neutrality, 1937—1941. Ann Arbor (Mich.), 1955.

⁶⁹ Isolation and Security / Ed. by A. DeConde. Durham (N. C.), 1957.

политику США после первой мировой войны как возврат к изоляционизму XIX в. с его главной идеей самосохранения и самозащиты интересов, Деконде отметил некоторые особенности изоляционизма 30-х годов, позволявшие судить о сложности этого явления. Автор указывал на «антимилитаристский элемент, который выделялся в изоляционизме 20—30-х годов»⁷⁰. Он подчеркивал, что водоразделом в подходе изоляционистов 30-х годов к внешней политике явилось (наряду с этническими, географическими и культурными признаками) отношение к социально-экономическим реформам «нового курса», которое отличало взгляды изоляционистов-либералов от консервативного крыла данного течения. Историк признавал, что изоляционизм конца 30-х годов был реакцией на внешнюю политику Ф. Рузвельта консервативно настроенного бизнеса, подчинившего своему влиянию либеральную оппозицию⁷¹. Консервативных изоляционистов, как считал автор, отличали от пацифистов и либеральных изоляционистов идея «Америка — крепость», призывы к усилению военно-морской мощи. «Они основывали свои изоляционистские аргументы на военной силе и национальном эгоизме»⁷².

Стремясь оправдать «интернационалистскую» политику США, получившую яркое воплощение в послевоенном внешнеполитическом курсе, и доказать несостоятельность «неоизоляционизма», Деконде невольно нанес удар попыткам официозных историков приписать антивоенному и антимонополистическому изоляционизму американского народа те же мотивы и цели, которые определяли поведение представителей монополистического капитала, сторонников безудержной экспансии США, а отнюдь не народа.

С. Адлер в рамках концепции об ответственности изоляционистски настроенных масс за политику «нейтралитета» Соединенных Штатов приходил к противоречившим ей утверждениям, что американский «народ был менее изоляционистским, чем его представители на Капитолийском холме. Политические деятели проснулись последними»⁷³. Он признавал, что изоляционизм не был единым течением и радикалы за несколько лет до начала второй мировой войны выступили с антифашистским лозунгом борьбы за образование «Народного фронта», либералы тоже постепенно отходили от изоляционизма, оставляя в его рядах преимущественно консервативные элементы⁷⁴.

Однако выводы о том, что именно консервативное крыло изоляционистов (которое поддерживали противники «нового курса» Рузвельта, прогермански настроенные круги американского бизнеса, профашистские организации) взяло на себя роль лидера в изоляционизме 30-х годов и представляло главного противника внешней политики администрации, выражавшей интересы сторонников империалистического союза с Англией и Францией перед лицом агрес-

⁷⁰ DeConde A. On Twentieth-Century Isolation.— In: Isolation and Security, p. 11.

⁷¹ Ibid., p. 20.

⁷² Ibid., p. 24.

⁷³ Adler S. Op. cit., p. 269.

⁷⁴ Ibid., p. 295, 296.

сии германского империализма, оставались за пределами исследований буржуазных авторов.

В 60-е годы углубление начавшегося в предыдущее десятилетие кризиса внешней политики США, крах иллюзий об американском всемогуществе и небывалый в послевоенной Америке подъем социально-политического и антивоенного движений, усиленных американской агрессией в Индокитае, оказали серьезное воздействие на буржуазную историографию внешней политики⁷⁵. Происходивший в национальном масштабе процесс «переоценки ценностей» вызвал новые тенденции в области исследования предвоенного внешнеполитического курса США и внутривнутриполитической борьбы между изоляционистами и «интернационалистами». Особое значение для пересмотра оценок изоляционизма эпохи Ф. Рузвельта имела развернувшаяся в конце 60-х — в 70-е годы в политических кругах, на страницах прессы и внешнеполитических исследований дискуссия о плюсах и минусах американского глобализма⁷⁶.

В центре политических дебатов тех лет стоял вопрос о необходимости сокращения присутствия Соединенных Штатов за границей, требовавшего большого напряжения внутренних ресурсов страны. Исторической антитезой глобализму служило изоляционистское прошлое Америки, по аналогии с которым наблюдавшиеся на рубеже 70-х годов на разных социальных и политических уровнях критика интервенционизма США, заявления об ограниченности национальной мощи и призывы не претупать пределы возможного стали связываться с «ренессансом» изоляционизма (хотя никто из таких политиков, как У. Фулбрайт, Дж. Макговерн, и не предлагал вернуться к традициям «отцов-основателей»). Некоторые политологи пытались даже охарактеризовать «доктрину Никсона» и некоторые мероприятия в области военной стратегии, появившиеся на свет с учетом опыта войны во Вьетнаме и представлявшие своеобразный ответ правящих кругов на изменение роли США в мире, как шаги в сторону неоиоляционизма⁷⁷. Таким образом, новый интерес к изоляционизму 30-х годов был продиктован прежде всего насущными потребностями современности.

Характерным примером попыток американских буржуазных историков полнее разобраться во вновь становившейся популярной проблеме явилась работа М. Джонаса «Изоляционизм в Америке, 1935—1941»⁷⁸. Автор поставил своей главной целью исследовать

⁷⁵ Towards a New Past. Dissenting Essays in American History / Ed. by B. Bernstein. N. Y., 1968, p. IX—XIII.

⁷⁶ Tucker R. A New Isolationism: Threat or Promise. N. Y., 1972; Globalism and Its Critics. The American Foreign Policy Debate of 1960's / Ed. with Introd. by W. Taubman. Lexington etc., 1973; Isolation or Interdependence? Today's Choices for Tomorrow's World / Ed. by M. Kaplan. N. Y.; L., 1975.

⁷⁷ Isolation or Interdependence?, p. 5—6; Osborne Th., Mabbut F. Paths to the Present: Thoughts on the Contemporary Relevance of American's Past. N. Y., etc., 1974, p. 60.

⁷⁸ Jonas M. Isolationism in America.

изоляциялизм в качестве внешнеполитической мысли со всеми ее достоинствами и недостатками⁷⁹.

Джонас, анализируя источники, включавшие, помимо прочих, переписку, выступления и труды различных представителей изоляционизма 30-х годов, пришел к выводу, что это идейно-политическое течение не может рассматриваться «в качестве простого обструкционизма, основанного на невежестве и недомыслии»⁸⁰. Изоляционизм 30-х годов, по мнению историка, являлся хорошо обдуманной реакцией значительной части американского общества на внутриполитические и внешнеполитические условия того времени⁸¹. Таким образом, Джонас возвращал изоляционистам равноправие с «интернационалистами», отнятое у них официальной историографией.

В то же время историк заключал, что изоляционисты 30-х годов, избрав для США «свободу выбора» в проблеме войны и мира, главным внешнеполитическим интересом страны считали неучастие в войне. В несовместимости принципа «свободы рук» с пацифизмом автор усматривал причины кризиса изоляционизма 30-х годов: независимо от симпатий к жертвам агрессии его сторонники объективно оказывались на стороне держав «оси»⁸².

В соответствии со своей концепцией автор уделил значительно большее внимание, чем другие исследователи, проблеме изоляционистского блока (различиям во взглядах радикально-либерального крыла и консервативного). Он вынужден признать, что изоляционизм большинства американцев был временным явлением, вызванным в значительной степени экономическими трудностями США 30-х годов и быстро исчезающим по мере обострения ситуации в Европе⁸³. Вместе с тем, сосредоточив внимание на идеологии изоляционизма, Джонас преувеличил воздействие на антиинтернационалистские настроения предвоенных лет таких субъективных факторов, как вера в принцип «односторонности» политики США и страх перед новой мировой войной в ущерб анализу не только социально-экономических причин, но и географических, этнических, религиозных и др. (которыми оперируют многие буржуазные исследователи). Тем самым исследователь значительно обеднил нарисованную им картину сложности и противоречивости явления изоляционизма 30-х годов.

⁷⁹ В этом плане он имел предшественником У. Коула, который, изучая влияние аграрного радикализма сенатора Дж. Ная на его внешнеполитические взгляды, одним из первых послевоенных историков США обратился к идеологии изоляционизма и ее истокам. См.: *Cole W. Senator Gerald P. Nye and American Foreign Policy*, p. 3, 6, 234—235.

⁸⁰ *Jonas M. Isolationism in America*, p. VIII.

⁸¹ М. Джонас также разделял точку зрения предтечи левых «ревизионистов» 60—70-х годов В. Вильямса, для большинства буржуазных историков неприемлемую, а именно, что политика изоляционизма 20-х годов представляла собой целенаправленную деятельность США на международной арене. См.: *Jonas M. Op. cit.*, p. 3; *Williams W. The Tragedy of American Diplomacy*. N. Y., 1962, p. 106—159.

⁸² *Jonas M. Isolationism in America*, p. 15, 170, 184.

⁸³ *Ibid.*, p. 259.

То, что М. Джонас в конце 70-х годов выступил автором статьи об изоляционизме США в «Энциклопедии американской внешней политики»⁸⁴, свидетельствует о признании его авторитета в историографии данной проблемы. Однако наибольшее влияние на исследование изоляционизма 20—30-х годов оказали взгляды «новых левых» и других историков радикального направления. Их активная оппозиция войне США в Юго-Восточной Азии, призывы сократить глобальные обязательства Америки, чтобы можно было решать насущные национальные задачи, и разоблачение контрреволюционной сущности международной активности американского империализма укрепили за ними репутацию неоиоляционистов 60—70-х годов среди историков. Как известно, радикальные историки взяли на вооружение методологию «экономического детерминизма». Следуя за развивавшим бирдовскую концепцию «открытых дверей» В. Вильямсом, эти историки утверждали, что главной движущей силой американской внешней политики XX в. являлась экономическая экспансия, заинтересованность в иностранных рынках и сферах приложения капитала. С этих позиций они оценивали проблемы изоляционизма 30-х годов.

Ученик Вильямса Л. Гарднер, предпринявший в первой половине 60-х годов исследование экономических аспектов дипломатии «нового курса», подчеркивал, что изоляционисты из правящих кругов поддерживали экспансионистскую политику США в Латинской Америке, и одна из причин их призывов остаться в стороне от союзнических отношений с европейскими государствами заключалась в желании закрепить за Соединенными Штатами роль мирового арбитра. «... Годы до и после второй мировой войны,— писал он,— показали, что Соединенные Штаты рассматривали защиту своей системы свободной торговли как главную в осуществлении внешней политики и стержневую для идеологии этой политики»⁸⁵.

Эту же идею развивал и Р. Смит, отмечавший, что главной целью политической деятельности США на международной арене с 1920 по 1941 г. являлось установление и поддержание с помощью «дипломатии доллара» и «открытых дверей» такого миропорядка, который бы способствовал экономической и идеологической экспансии США⁸⁶. Сторонники внешнеполитической концепции Вильямса были единодушны в том, что дебаты между изоляционистами и «интернационалистами» 30-х годов на деле носили характер тактических разногласий между различными группировками господствующего класса относительно достижения лидирующей позиции США в мире и процветания американского капитализма⁸⁷.

Вместе с тем оценка изоляционизма 30-х годов радикальными историками, выделившими в качестве его основного сегмента круги,

⁸⁴ Jonas M. Isolationism.— In: Encyclopedia of American Foreign Policy / Ed. by A. DeConde. N. Y., 1978, vol. 2, p. 496—506.

⁸⁵ Gardner L. Economic Aspects of New Deal Diplomacy. Madison, 1964, p. 154.

⁸⁶ Smith R. American Foreign Relations, 1920—1942.— In: Towards a New Past, p. 238.

⁸⁷ Ibid., p. 248.

тесно связанные с интересами американского финансового и торгово-промышленного капитала, была неоднозначной. Л. Гарднер, например, отмечал, что изоляционистская критика внешнеполитического курса Ф. Рузвельта являлась подчас убедительной и принципиальной, особенно когда касалась экономических целей и про-капского бизнеса, за которые пришлось дорого расплачиваться⁸⁸. Он считал, что книга Ч. Бирда «Открытые двери у себя дома» содержала такие предложения по внешней и внутренней политике, которые шли вразрез с мнением консервативных кругов⁸⁹. И другие радикальные исследователи, поднимая на щит «экономизм» Бир-курса Ф. Рузвельта накануне второй мировой войны (который сами оценивали как продолжение политики «открытых дверей») элементы реализма и здравого смысла⁹⁰.

Г. Колко, одним из первых американских историков попытавшийся вскрыть экономическую подоплеку американско-германских противоречий в 30-е годы, подчеркивал, что общественность США, не связанная с деловыми кругами, хотя и разделялась на изоляционистов и «интернационалистов», в целом не одобряла нацизм и фашизм, а также политику империалистического сотрудничества с Германией⁹¹. Р. Смит в отличие от официозных историков, которые стремились дискредитировать борьбу прогрессивных сил Америки против угрозы войны, рассматривал антивоенное движение в США (в том числе его изоляционистское крыло) как положительное явление, сдерживавшее, по его мнению, милитаристские устремления некоторых представителей администрации Рузвельта, мечтавших достичь имперской позиции США путем вовлечения их в войну в Европе или Азии⁹².

Взгляду «ревизионистов» 60—70-х годов на проблему изоляционизма предвоенного десятилетия сквозь призму концепции «открытых дверей» были присущи серьезные недостатки, очевидные для некоторых радикальных историков. Так, К. Лэш подверг критике попытки В. Вильямса свести сложный процесс формирования внешней политики США к влиянию выделенных им внутриэкономических факторов и идеологии «открытых дверей». По мнению Лэша, восхваляемый Вильямсом «континентализм» Бирда и его собственный регионализм «вели к экономическому национализму с фашист-

⁸⁸ Gardner L. Op. cit., p. 86, 108.

⁸⁹ Ibid., p. 9—10.

⁹⁰ Paterson Th. Isolationism Revisited.— The Nation, 1969, Sept. 1, p. 166; From Colony to Empire: Essays in the History of American Foreign Relations / Ed. by W. Williams. N. Y. etc., 1972, p. 483.

⁹¹ Kolko G. American Business and Germany, 1930—1941.— The Western Political Quarterly, 1962, Dec., p. 727—728. Т. Патерсон, разделяя точку зрения Колко, отмечал, что антимонополизм значительной части изоляционистов служил разоблачению истинных интересов американского бизнеса. См.: Paterson Th. Op. cit., p. 168.

⁹² Smith R. Op. cit., p. 251, 253.

ским оттенком»⁹³. С точки зрения Лэша, обвинения заслуживала не «интернационалистская» политика США, а породивший ее американский капитализм.

Однако, несмотря на схематичный подход радикальных историков к проблеме изоляционизма, их резкая критика экспансионистского прошлого и настоящего внешней политики Соединенных Штатов нанесла ощутимый удар официальной трактовке.

Следует особо сказать о том, что послевьетнамский синдром и уотергейтское дело породили в буржуазной историографии 70-х годов тенденцию реабилитировать взгляды изоляционистов консервативного крыла, таких, как Г. Гувер, Р. Тафт, Ч. Линдберг и др. Их высказывания (об эрозии исполнительной власти конгресса, сосредоточении в руках президента значительной власти в области ведения войны, необязательности для США войны с гитлеровской Германией) в перспективе 70-х годов казались ряду историков более проникательными и реалистическими, нежели признавалось ранее⁹⁴.

Методологически эта группа историков тяготеет к явному прагматизму и даже презентизму⁹⁵, чего нельзя сказать об исследовании Р. Радоша на данную тему. В его монографии, посвященной В. Вильямсу, ставилась задача, отвечающая радикальным взглядам историка: развенчать миф консенсусной историографии о «предопределенности» американского глобализма⁹⁶. Автор отвергал презентистский подход к прошлому, которым грешили и отдельные «новые левые» историки, пытавшиеся подчинить изучение американской истории своей социально-политической активности⁹⁷. Однако осуждение исследователем консенсуса и «инструментализма» в буржуазной историографии также не опиралось на признание объективных закономерностей исторического развития. Отсюда для радикала Радоша, рассматривавшего внешнюю политику США сквозь призму концепции «открытых дверей», оказались не имеющими существенного значения классовые и политические позиции консервативных изоляционистов, с которых они критиковали политику Ф. Рузвельта. «Эти консерваторы, — отмечал историк, — поднимали вопросы и определяли проблемы, которые, как писал Вильямс,

⁹³ Цит. по: Haines G. Roads to War: United States Foreign Policy, 1939—1941. — In: American Foreign Relations: A Historiographical Review/Ed. by G. Haines, S. Walker. Westport (Conn.), 1981, p. 163.

⁹⁴ Cole W. Charles A. Lindbergh and the Battle against American Intervention in the World War II. N. Y.; L., 1970; Patterson J. Mr. Republican: A Biography of Robert A. Taft. Boston, 1972; Wilson J. Op. cit.; Burner D. Herbert Hoover. A Public Life. N. Y., 1979, e. a.

⁹⁵ Russett B. No Clear and Present Danger: A Skeptical View of U. S. Entry into World War II. N. Y. etc., 1972, p. 12, 182. Автор, проводя антиисторические параллели между вьетнамской авантюрой США и вступлением их в войну с гитлеровской Германией, оправдывал «умиротворенческую» позицию изоляционистов начала 40-х годов.

⁹⁶ Radosh R. Op. cit.

⁹⁷ Ibid., p. 14.

прокладывали путь для либеральных и левых критиков в будущем»⁹⁸.

Таким образом, главное, что волновало Радоша (пренебрегшего анализом не только содержания консервативного изоляционизма, но и таких его черт, как промюнхенский характер в 30-е годы, яростный антикоммунизм в период развязывания «холодной войны»), — это лишенная политической окраски критика консерваторами глобализма Соединенных Штатов. Здесь автор расходился с другими радикальными историками, которые, выделяя позитивные стороны изоляционизма, давали отрицательную оценку консервативным идеям данного течения⁹⁹. Приступив к ниспровержению официального представления о «плохих» изоляционистах и «хороших» «интернационалистах» в свете поисков либеральными и радикальными исследователями альтернативы послевоенному интервенционизму Соединенных Штатов, Р. Радош впал в другую крайность — идеализацию консервативного изоляционизма.

Но отмеченная тенденция (и появление мемуарной литературы того же плана)¹⁰⁰ не определяла общей линии пересмотра прежних концепций, наметившейся — с учетом новых источников и аргументации радикальных историков — на рубеже 70-х годов. Хотя утвердившаяся негативная оценка изоляционизма, в том или ином ее варианте, продолжала доминировать в работах американских буржуазных историков (особенно посвященных внешней политике Ф. Рузвельта¹⁰¹), взгляды изоляционистов стали изучаться в более широком социальном, политическом и экономическом контексте, что позволило скорректировать многие прежние оценки.

Так, в процессе дальнейшей разработки американскими исследователями проблемы влияния общественного мнения на внешнюю политику США в 30-е годы все большим сомнениям стала подвергаться официальная догма об «изоляционизме масс» как о главном препятствии на пути администрации Рузвельта оказать решительное противодействие агрессивным замыслам фашистских держав¹⁰². В частности, М. Лей, который синтезировал традиционную и радикальную интерпретации фактора общественного мнения в американской внешней политике, на основании анализа многочисленных источников заключал, что Ф. Рузвельт, столкнувшись с серьезной оппозицией своей внутренней и внешней политике в конгрессе, спроецировал собственные колебания и противодействие Капитолия

⁹⁸ Ibid., p. 15.

⁹⁹ Paterson Th. Op. cit., p. 169.

¹⁰⁰ Eggleston G. Roosevelt, Churchill, and the World War II Opposition. A Revisionist Autobiography. Old Greenwich, 1980.

¹⁰¹ Fehrenbach T. F. D. R's Undeclared War 1939 to 1941. N. Y., 1967; Divine R. Roosevelt and World War II. Baltimor (Md), 1969; Kinsella W., Jr. Leadership in Isolation. FDR and the Origins of the Second World War. Cambridge, 1978; Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1978, e. a.

¹⁰² Public Opinion and Historians: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by M. Small. Detroit, 1970; Cohen B. The Public Impact on Foreign Policy. Boston, 1973; Leigh M. Mobilising Contest. Public Opinion and American Foreign Policy, 1937—1947. Westport (Conn.); London, 1976.

по этим проблемам на настроения всей американской общественности¹⁰³.

Существенный вклад в понимание проблем изоляционизма внесли биографические исследования видных представителей изоляционизма¹⁰⁴, отмеченные насыщенностью архивными источниками и высоким профессионализмом.

Хотя в 60—70-е годы усилилось внимание американских буржуазных историков к проблеме влияния конгресса США на внешнюю политику администрации Рузвельта, эти исследования ограничивались (в плане написания специальных монографий) в основном биографическим жанром. К концу 70-х годов этот пробел восполнился монографией Д. Портера¹⁰⁵. Ссылаясь на работы Дж. Паттерсона (о блокировании консерваторами в конгрессе законодательства «нового курса»), У. Коула и М. Джонаса¹⁰⁶, автор попытался расширить представление о роли законодательной ветви государственной власти в определении американской внешней политики в предвоенный период. В результате проделанного с помощью статистических методов анализа Портер констатировал, что во время дебатов 1939 г. об отмене эмбарго на оружие общественное мнение в стране в целом было настроено более благожелательно к пересмотру законодательства о нейтралитете, чем конгресс. Рузвельт же ориентировался в своей внешнеполитической активности в 1939—1941 гг. на сопротивление изоляционистов в конгрессе, часто уступая им инициативу¹⁰⁷.

Попытки американских буржуазных историков выйти за пределы, навязанные ортодоксальным подходом к оценке изоляционизма 30-х годов, с помощью синтеза уже достигнутых результатов исследований и методологии буржуазного объективизма способствовали выявлению новых деталей и уточнению некоторых принципиальных положений относительно расстановки политических сил в США накануне второй мировой войны, внешнеполитических расчетов различных кругов правящего класса, характера американского «нейтралитета». Однако, возвращая проблеме изоляционизма утраченный в годы ослепления военно-экономической мощью и гегемонистскими замыслами американского империализма статус научной темы, буржуазные историки все же далеки от того, чтобы провести четкую грань между изоляционизмом правящего класса и изоляционизмом широких народных масс, порожденным традицией, памятью о первой мировой войне, условиями экономического кризиса 30-х годов и назревавшим международным конфликтом.

¹⁰³ Leigh M. Op. cit., p. 40, 48.

¹⁰⁴ Maddox R. Borah and American Foreign Policy. Baton Rouge, 1969; Kennedy Th. Op. cit.

¹⁰⁵ Porter D. The Seventy-Sixth Congress and the World War II, 1939—1940. Columbia; London, 1979.

¹⁰⁶ Patterson J. Congressional Conservatism and the New Deal. Lexington, 1967; Cole W. Senator Gerald P. Nye and American Foreign Policy; Jonas M. Isolationism in America.

¹⁰⁷ Porter D. Op. cit., p. 33, 185.

При ознакомлении с литературой последних двух десятилетий, посвященной политической борьбе по вопросам внешней политики США в предвоенные годы, можно сделать вывод о заметном сдвиге в сторону более профессионального подхода к теме. Тем не менее принципы буржуазной методологии истории и политическая предвзятость авторов, которой редко кому-либо из них удается избежать, ограничивают рассмотрение изоляционизма 30-х годов заданным кругом вопросов, исключая из поля зрения буржуазных исследователей анализ расстановки классовых сил в стране и на международной арене, идейно-политических корней и социально-экономической базы этого течения, его классового содержания, подлинных причин политики «нейтралитета» США. Внешняя политика Соединенных Штатов в предвоенные годы (за исключением критики радикальных исследователей) оказывается априори оправданной.

Будущее покажет, насколько вглубь может пойти изучение американскими буржуазными историками последней бурной эпохи в истории изоляционизма, интерес к которой возрастает пропорционально углублению кризиса экспансионистской, антикоммунистической стратегии глобализма, усилению милитаризма в США, возникновению угрозы ядерной войны.